

РАЗДЕЛ 3 СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЛАВЯНСКИЕ РЕАЛИИ КАК ПРЕСУППОЗИЦИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА МИЛОРАДА ПАВИЧА «ДРУГОЕ ТЕЛО»

Т. А. Бобрикова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Пермь, Россия

e-mail: tatiana.bobrikowa@yandex.ru

В статье представлен анализ способов актуализации славянских реалий как знаков, формирующих пространственные образы в романе Милорада Павича «Другое тело». Выявлено, что оборотной стороной индексального способа актуализации славянских реалий (номинации географических локусов, имена персонажей сербской истории и культуры, названия кириллических книг) выступает их обязательная символизация (одна из причин рождения внетекстовых структур романа).

Ключевые слова: славянские реалии; семиотика пространства; ментальная репрезентация; индексальный иконизм; символизм; Милорад Павич; «Другое тело».

SLAVIC REALITIES AS A PRESUPPOSITION TO THE INTERPRETATION OF THE NOVEL "SECOND BODY" BY MILORAD PAVIĆ'S

T. A. Bobrikova

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Perm, Russia

e-mail: tatiana.bobrikowa@yandex.ru

The article presents an analysis of the ways of actualizing the Slavic realities as signs developing the space images in the novel of Milorad Pavić "Second body". It is shown that the reverse side of the mainly index method of actualization of these realities (nomination of geographical loci, names of characters of Serbian history and culture, names of Cyrillic books) is their mandatory symbolization (one of the reasons for the birth of non-text structures of the novel).

Key words: slavic realities; semiotics of space; mental representation; index iconism; symbolism; Milorad Pavić; "Second body".

В рамках этой работы речь пойдет о способах актуализации славянских реалий как знаков, формирующих пространственные образы в романе Милорада Павича «Другое тело». *Реалия* понимается вербальный

знак, замещающий соответствующий объект внетекстовой действительности. Система реалий романа – один из инструментов формирования *пространственного образа* – ментального конструкта, создаваемого человеческим сознанием с целью адаптации к миру.

Целевые установки работы связаны с анализом способов актуализации славянских реалий, которые выступают как пресуппозиция интерпретации романа «Другое тело». Методология анализа системы реалий славянского мира включает следующие этапы: 1) отбор и систематизация реалий славянского мира, представленных в романе; 2) определение онтологической природы реалий славянского мира; 3) семиотический и логико-семантический характер репрезентации реалий; 4) нарративная функция реалий в тексте романа – роль в создании пространственных образов.

С семиотической точки зрения, актуализация реалии – это её вербальная репрезентация. Этот процесс анализируется нами в рамках логико-семантического анализа языка [1]. Актуализация реалий включает процессы номинации и предикации. На этапе номинации происходит выбор имени реалии, на этапе предикации – приписывание этому имени знаков, обозначающих свойства реалий (внутренние предикаты) и характер отношений между ними (внешние предикаты).

Одновременно этот процесс мы рассматриваем в рамках общей семиотики Ч. Пирса, говоря о репрезентации реалии по типу индекса и символа (имя без предикатов) и иконы (имя с системой предикатных дескрипций) [2]. Выполняя указательную функцию, индексы репрезентируют границы пространственного локуса и объекты, заполняющие пространство. Иконические знаки – это «картины» своих референтов: пейзажные, портретные, интерьерные характеристики и другие описания. В зависимости от степени достоверности и подобия они делятся на иконы-образы или иконы-схемы. Роль символического знака – замещать некую абстрактную идею. Таким образом, логико-семантический и семиотический механизмы репрезентации работают по принципу дополнительности.

Сюжетные линии романа «Другое тело» разворачиваются на территории Италии, Венгрии, Сербии, Великобритании, Германии, Турции и Китая, охватывая диапазон времени от XVIII века до наших дней. В рамках этого этнокультурного многообразия особенной значимостью обладают славянские реалии. Это связано как с контекстом жизни М. Павича, так и с тем, что он считал славянскую культуру, историю и мифологию важными составляющими интеллектуальной истории Европы.

С онтологической точки зрения, славянские реалии представлены только предметными объектами, которые доступны эмпирически.

Среди них следующие семантические группы: географические локусы; персоналии сербской истории, литературы и культуры; славянские манускрипты.

К наименованиям славянских *географических локусов* относятся города Белград, Нови-Сад, Сремски-Карловцы, поселение Петроварадин, деревня Бабе, гора Космай, река Дунай. По сюжету в Белграде упоминаются площадь Теразие, кладбище на улице Рузвельта, 50, улица Короля Петра Первого, квартал Дорчол, городская библиотека, парк Ташмайдан.

Перечисленные реалии представлены только именами в логико-семантической классификации знаков или индексами в терминологии Пирса. Функция этих знаков в романе – обеспечить достоверность повествования: локусы, в которых живут персонажи, существуют и в реальности. Немаловажно, что Павич упоминает те места, в которых развёртывалась и его собственная жизнь (например, он ходил в белградскую библиотеку). Индексальными указателями в романе размечена карта Сербии: Нови-Сад характеризуется как «один большой город на Дунае» [3, с. 52]. Петроварадин – «красивый город и крепость на Дунае» [там же, с. 57].

Оборотной стороной всех индексальных знаков является их обязательная символическая подкладка. О символическом прочтении географических реалий М. Павич пишет в эссе «Биография Белграда» [4], которое следует рассматривать как одну из пресуппозиций интерпретации романа. Так, Дунай «течет из рая, то есть из вечности» [3, с. 161]. В сербской традиции Дунай – это граница между своим и иным миром, дорога в рай. При этом в романе дана и иконическая репрезентация этой реки: «Вода в Дунае была высокой, в мутных пятнах. Настолько высокой, что его притокам больше не удавалось впадать в него и они в изумлении остановились у устьей» [там же, с. 251]. За «изумлением» притоков стоит визуальный образ замедленного течения воды.

В системе реалий представлены *персоналии* славянского мира – писатели, художники, историки XVIII в. Персонажами романа становятся Захария Орфелин, Гавриил Стефанович Венцлович, Теодор Илич Чешляр, Павле Юлинац.

Захария Орфелин (1726–1785 гг.) – писатель, историк и художник эпохи барокко. Орфелин первым стал печатать книги на сербском языке. О Захарии Павич дает достоверную биографическую справку: «по национальности славяно-сербского происхождения. Служить начал в Нови-Саде» [3, с. 52], родом из Петроварадина, учился граверным художествам и посылал стихи в Венецию. В романе актуализирован период жизни Орфелина, когда он работал корректором в венецианской типографии. При

жизни сохранилось одно схематичное портретное изображение Захарии. В романе узнавание персонажа обеспечивают внутренние предикаты: «не носил парика, его темные волосы были завязаны на затылке янтарными четками и напоминали толстый конский хвост. Губы он подкрашивал помадой» [там же, с. 43–44].

Еще одним персонажем романа Павич выбирает сербского просветителя *Гавришла Стефановича Венцловича* (1680–1749 гг.). Он известен как сербский иеромонах, иконописец, проповедник и поэт. Гавриил Венцлович был учеником сентандрейского духовника отца Киприяна, переводил библейскую литературу на сербский язык, одним из первых начал писать проповеди на родном языке [5; 6; 7]. В романе он предстает переписчиком и пострижником храма Святого иконописца Луки, ведет книгу записей крещений и отпеваний, переписку с будимским владыкой. Персонажа сопровождают портретные характеристики: «худая мужская фигура», «волосы, завязанные узлом по монашескому обыкновению», «ложился спать в черных перчатках без пальцев» [3, с. 194], носил «пыльную монашескую рясу» [там же, с. 253].

Орфелин готовил к печати книгу, автором которой был историк, путешественник, воин и дипломат на императорской службе в России *Павле Юлинац* (1730–1784 гг.). Павич описывает его личность внешними предикатами: консул, майор и «русский дипломат сербского происхождения» [3, с. 54], его «обожают русский императорский двор, но поэтому к нему неблагоприятна венская цензура» [там же, с. 86]. Описание внешности Юлинаца в тексте романа отсутствует.

В романе есть персонаж, которого зовут так же, как одного художника XVIII века, *Теодор Илич Чешляр*. О реально существовавшем Чешляре (1746–1793 гг.) известно то, что он был сербским иконописцем и художником позднего барокко. В романе Теодор никакого отношения к изобразительному творчеству не имеет, здесь это сын кузнеца, школьный товарищ безымянного писателя, который продает стихи. Он «был крепок» [3, с. 30], «выглядел великолепно, он был в подтяжках и курил трубку» [там же, с. 294], у него была «такая походка и анатомическое строение ног, что брюки на нем не мялись» [там же, с. 310].

Указанные персонажи сербской истории и культуры актуализированы, в большинстве, по типу иконы-схемы (имя и схематичный портрет), индексально репрезентирован лишь П. Юлинац. Однако за каждым из имен закреплено символическое значение: Орфелин, Венцлович и Юлинац положили начало изданию книг на сербском языке. Они ассоциируются с началом сербской литературы и письменности. Их можно считать

героями интеллектуальной истории, подарившими своему народу письмо, книгу, память.

В нарративе романа Орфелин и Венцлович – центральные персонажи, оба заняты одной и той же проблемой: с помощью заклинания, воды из Богородичного источника и каменного перстня пытаются выяснить, имеет ли человек другое тело после смерти, как имел его Христос. Венцлович также персонаж сновидения другого героя: безымянному писателю снится дьявол, который превращается в Гавриила.

Важнейшими знаками славянского мира являются *книги*. Персонажи романа их читают, пишут, переводят, редактируют, они буквально окружены книгами. Орфелин стал известным благодаря выпуску «Приветствия Моисею Путнику» (1757), панегирика в честь епископа Бачки на церковнославянском языке. В романе Захария писал обращенную к своим детям книгу «Апостольское молоко». В действительности сохранилась рукопись стихотворения с таким названием, которое он посвятил сыну (1763). В романе упоминаются «Букварь малый» (1764) и «Славяно-сербский журнал» (1766). «Славяно-сербский журнал» был первым журналом в истории сербской литературы и охватывал разные области знаний. Павич назвал его «манифестом Просвещения в сербской литературе» [4, с. 207]. Важнейшим произведением в творчестве Орфелина считается монография о Петре Великом «Житие и славные дела государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского» (1772), в которой приведена история России с объемной документацией, списком источников и литературы. Славянские книги обнаруживаются и в личной библиотеке Захарии: «Опыт Казанской истории древних и средних времен» П. И. Рычкова, «Описание Жития Пресветлейшей Екатерины Алексеевны, Царицы и Императрицы Российской», «Месяц. Сочинения на год 1763», перевод С. Ф. Решетова «Истории о персидском шахе Тахмас Кули-Хане».

Павич упоминает «Краткое введение в историю происхождения славяно-сербского народа» (1765) П. Юлинаца – это первая история сербов, изданная на сербском языке. На страницах романа мы встречаем книги Венцловича – «Разглагольник» (1734) и «Пресадженица» (1735) и самого Павича – «Внутренняя сторона ветра» (1991).

Перечисленные книги репрезентированы в романе индексально: приводятся только их названия и имена авторов. Представления о книгах как материальных объектах у читателя нет, так как автор не сообщает ни цвет, ни формат изданий. Однако за оборотной стороной номинаций книг стоят культурно-исторический и символический смыслы романа: первые книги, выпущенные на сербском языке, символизируют начало сербской

литературы; книги функционируют как «другое тело» своего автора, обеспечивая ему бессмертие; книги хранят знания и картируют мир.

Одновременно упоминаемые книги и личные библиотеки – это нарративный инструмент романа – пространственный локус, который соединяет между собой героев из разных исторических эпох. Например, персонажи читают одни и те же книги и в момент чтения становятся «современниками». Так, Библия оказывается в руках у Венцловича в XVIII в., а в настоящее время к ней обращаются писатель с Лизой, чтобы найти ответ на вопрос, что хочет сказать своим путешествием Иисус после смерти.

Подведем некоторые итоги. В романе «Другое тело» представлены следующие семантические группы славянских реалий: номинации географических локусов, имена персонажей и славянские книги. Логико-семантический и семиотический анализ способов репрезентации реалий позволяет сделать вывод о том, что преимущественно их индексальный способ текстовой актуализации (имена без дескрипций) дополняется символическим прочтением. История и культура славянского мира становятся для Павича отправной точкой для создания художественного мира.

В нарративном аспекте славянские реалии формируют пространственные образы в романе. Каждая из реалий принадлежит одновременно нескольким «пространствам» (физическому, пространству снов и культуры), что создаёт эффект прозрачности их границ: возможности перехода из одной среды в другую. Эта нарративная функция становится инструментом, позволяющим выделить основную идею романа: феномены культуры, книги, материальные вещи становятся истинным «другим телом», воплощая концептуальные смыслы человеческого бытия.

Сказанное позволяет заключить, что славянские реалии – один из важнейших кодов прочтения романа М. Павича «Другое тело». «Идеальный» (по У. Эко) читатель этого романа должен владеть огромной затекстовой информацией. В частности, пресуппозицией прочтения становится литература по истории и культуре славян. Мы считаем, что при переводе этого романа на русский язык (единственный перевод выполнен Л. Савельевой) следовало бы активно использовать ссылочный аппарат в виде постраничных ссылок и послесловия. По существу, к переводам романов М. Павича можно прилагать Словари реалий, где в статьях раскрываются их культурно-исторические и символические значения. Примером таких Словарей как пресуппозиций прочтения литературных текстов являются, например, «Словарь “Маятника Фуко”» [8] к роману У. Эко.

Библиографические ссылки

1. Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. М. : Аспект Пресс, 2000. 512 с.
2. Пирс Ч. Начала прагматизма. Перевод с английского, предисловие В. В. Кирыщенко, М. В. Колопотина. СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.
3. Павич М. Другое тело / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб. : Азбука-классика, 2007. 336 с.
4. Павич М. Биография Белграда / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб. : Амфора, 2009. 319 с.
5. Шатько Е. В. «Следы» национальной традиции в прозе М. Павича (на примере романов «Внутренняя сторона ветра» и «Другое тело») // Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам I Хоревских чтений). М. , 2017. С. 222–231.
6. Павић М. Гаврил Стефановић Венцловић. Београд, 1972. 326 стр.
7. Деретић Ј. Мистификације око Венцловића и старе поезије // Књижевна историја. Београд, 1972. [Књ.] 4. № 16. С. 705–722.
8. Логош О., Петров В. Словарь «Маятника Фуко». СПб. : Симпозиум, 2007. 554 с.

ТИПЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ МЕТАФОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Э. В. Будаев

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина

Российский государственный профессионально-педагогический университет

Екатеринбург, Россия

e-mail: aedw@mail.ru

Выделяется четыре типа сопоставительного исследования метафор в политическом дискурсе: этнокультурное, социальное, диахроническое, мультимодальное. В рамках каждого из типов обсуждаются разновидности сопоставительного анализа политических метафор.

Ключевые слова: дискурс-анализ; метафора; политический дискурс; типология; сопоставительный анализ

TYPES OF COMPARISON OF METAPHORS IN POLITICAL DISCOURSE

E. V. Budaev

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Russian State Vocational Pedagogical University

Yekaterinburg, Russia

e-mail: aedw@mail.ru